

ИСЛАМ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

УДК 316.483

Е.В. Музыкаина

Постмодерн: фокус исламского мировоззрения

Заокский христианский гуманитарно-экономический институт; m_yelena73@mail.ru

В статье рассматривается вопрос освещения исламскими исследователями такого явления современной социокультурной жизни, как постмодерн. Автор указывает на то, что подход мусульманских исследователей к раскрытию характеристик данного явления и его основных последствий для социума отличается от общепринятого и распространенного на Западе. Связано это с различием эпистемологических подходов, используемых западными и исламскими исследователями, а также с различием онтологических оснований западной и исламской цивилизаций. В статье представлено мнение двух ведущих исламских философов-мыслителей современности – Муктедар Хана и Зияуддина Сардара, пользующихся авторитетом и признанием как среди мусульманского, так и среди западного научного сообщества.

Ключевые слова: *постмодерн, релятивизм, ислам, мировоззрение, возрождение религии, «искаженное воображение».*

The article is dedicated to the analysis by Islamic scholars of the description of postmodernism as a phenomenon of current social and cultural life. The author points out that the Muslim scholars' approach to determining characteristics of the phenomenon and its basic implications to the society in comparison with the conventional and well-known picture of postmodern in the West. The reason is that the difference in epistemological approaches of Western and Islamic scholars, as well as the difference in ontological foundations of Western and Islamic civilizations. The paper presents opinions of two modern leading Islamic thinkers – Muktedar Khan and Ziyauddin Sardar, who are recognized and respected by both Muslim and Western scientific communities.

Keywords: *postmodern, relativity, Islam, world view, religious resurgence, «distorted imagination».*

Современный социум характеризуется многомерностью и многогранностью. Это ведет к тому, что эпистемологические схемы и онтологические основания общества не только изменяются, но их варианты расширяются. Наряду с так называемыми идеальными моделями, которые в своем построении учитывают исторический опыт западной цивилизации, начинают развиваться новые альтернативные интерпретативные схемы, выстраиваются новые гносеологические модели, тем самым расширяя предметное поле понятий, задающих смыслообразующие познавательные координаты.

В данной работе рассматриваются альтернативные интерпретации такого современного социокультурного явления, как постмодерн, предлагаемые исламскими исследователями. Рассматривая оценку постмодерна с точки зрения мусульманских исследователей, можно сделать предположение о том, что их оценочные суждения будут отличаться от мнения западных коллег. Причиной тому будут различные эпистемологические подходы, разные перспективы, с которых рассматривается явление.

Первыми оценочными характеристиками, ассоциирующимися с постмодерном у западных исследователей, будут плюрализм и релевантность. Основываясь на опыте исторического развития Запада, мы воспринимаем их как ответные реакции на односложность реальности и главенство разума в предыдущий период модерна. Однако можно с уверенностью говорить о том, что мусульманская цивилизация придержива-

лась данных принципов с момента начала своего существования, и примером этого может служить современная исламская юриспруденция. Она представляет собой сочетание, казалось бы, несочетаемого. Почти четырнадцать веков мусульмане признают только один комплекс правовых, канонически-традиционных, морально-этических и религиозных норм ислама – шариат. Вместе с тем существуют четыре разные правовые школы, которые толкуют его. Поэтому можно говорить о том, что ислам придерживается религиозного и культурного многообразия уже не один десяток лет. А это является одной из основных характеристик постмодерна.

Истоки плюральности взглядов мусульман можно проследить по базовой основе жизни общества, продолжающей оставаться неизменной. Это Коран. Так, согласно суре «Аль-Маида» (5:48), Аллах сотворил разнообразие религий и культур, хотя мог бы сотворить и одну, если бы пожелал [1]. Множественность является основным лейтмотивом многих коранических тем. Сотворение мира дается в терминах плюральности, что подразумевает не только религиозное многообразие, но и этническое, национальное и племенное. Сура «Ар-Рум» дает следующее описание знамений Аллаха: «И из Его знамений – то, что сотворил Он небеса и землю, различие вам дал и в языках и в цвете (кожи). В этом, поистине, знамение для тех, кто обладает знанием (Господних истин)» [1].

Множественность играет настолько важную роль в коранической эпистемологии, что даже убежденность в ложности других богов не должна приводить к плохому обращению с их приверженцами. В суре «Аль-Ана'ам» («Скот») говорится: «И не хули те божества, которых они чтут, помимо Бога, чтобы в (ответной) злобе на тебя, в невежестве своем (глубоком), не стали они Господа хулить. Так увлекли Мы всякий люд (в земной соблазн) их деяний» [1]. Данный аят можно понимать как предписание не оскорблять ценность религиозных верований других людей, поскольку для них они выглядят истинными и действенными.

Более того, религиозный плюрализм подчеркивается утверждением о том, что каждое место поклонения является центром поминания Аллаха, поэтому необходимо проявлять уважение к такому месту: «И если бы Аллах не отражал одних людей (что злы в своих деяниях) другими (что в делах своих добры), то были бы снесены монастыри и церкви, синагоги и мечети, в которых имя Бога поминается сполна» [1].

Таким образом, можно говорить о том, что плюрализм поддерживается Кораном, и поэтому для исламских мыслителей множественность культур является нормой, которая существует многие века. Это выражается в ряде моментов: 1) Коран воспринял всех библейских пророков; 2) все верующие, независимо от этнической, языковой или национальной принадлежности, составляют единое сообщество – *умму*; 3) Коран призывает не делать различий между арабами и неарабами.

Когда за очень короткий промежуток времени ислам распространился на огромные территории с различными культурами, даже в исламском законодательстве, шариате, нашло отражение уважительное отношение к многообразным традициям различных народов (*адат*). Местные обычаи получили отражение в формулировках шариата. Это было логично и разумно с точки зрения необходимости утверждения нового правления на завоеванных территориях. Поэтому говорить о конфликте разума и веры в исламе также не приходится.

Таким образом, учение ислама, составляющее основу мусульманской цивилизации, всегда выступало за принцип плюрализма и придерживалось толерантности по отношению к инаковости (религиозной, этнической или национальной). Поэтому современных исламских ученых при исследовании постмодерна будут интересовать иные категории, нежели плюрализм взглядов и релевантность истины.

Мусульманские исследователи соглашаются с тем, что постмодерн является всемирным явлением и накладывает свой отпечаток на исламский мир. Тем не менее, известный исламский ученый Муктедар Хан указывает на то, что определение постмодерна не обязательно должно быть универсальным и включать в себя скептическое отношение к гранд-нарративу [2]. Сама суть постмодерна, по мнению Хана, отрицает наличие любого определения данного явления, поскольку отрицается присутствие существенной характеристики, выходящей за пределы локального контекста. «Мыслитель постмодерна стремится отдавать предпочтение “здесь” и “сейчас”, локальному над глобальным» [2].

Поэтому, сравнивая проявления постмодерна в западном и исламском обществах, Муктедар Хан приходит к выводу, что они серьезно отличаются. Так, на Западе постмодерн обозначает себя отрицанием многих социальных институтов модерна, например брака и традиционной семьи, изменяет положение полов и нагнетает национализм [2]. Такие процессы являются иллюстрацией традиционного понимания постмодерна как реакции на модерн, ведущей к отрицанию его дискурса.

Говоря же о проявлении постмодерна в мусульманском сообществе, Муктедар Хан выделяет в качестве характерной черты так называемое религиозное возрождение, выступающее против таких модернистских концептов, как секуляризм и национализм, ратующее за уникальное политическое устройство – *умму*, отличную от западной мораль и политическую этику [2].

По мнению Муктедара Хана, феномен «возрождения религии» можно объяснить тем, что философия постмодерна серьезным образом пошатнула примат главенства разума, установленный модерном. Постмодерн устраняет барьер, мешавший свободе распространения религиозного мышления, которое продолжало оставаться главенствующим в мусульманском мире на протяжении всего времени. Хан отмечает: «В течение более трехсот лет исламу приходилось противостоять вызовам европейского Просвещения и модерну. По сравнению с другими религиями у ислама это получалось очень хорошо. В то время как значимость практически всех религий упала до уровня личного исповедания или остаточных традиций и редких ритуалов, ислам переживает великое возрождение в двадцатом веке» [2].

По мнению Муктедара Хана, ислам так и не поддался влиянию модерна и крепко стоит против власти постмодерна, поскольку его сила заключается не в экономике или политике, а в эпистемологии. С самого начала существования ислама для мусульманской концепции знания не составляло труда примирить разум и относительность истины. Признание огромного потенциала разума и острой необходимости в нем сосуществовало бок о бок с признанием его ограниченности. С другой стороны, абсолютность истины прекрасно уживалась с представлением о ее относительности.

Однако Хан указывает на то, что именно в сфере эпистемологии эпоха постмодерна рождает серьезную проблему. Связана она с тем, что не только ниспровергаются основы истины, но и отрицается возможность установления любой истины в дальнейшем. «Неожиданно извращенность становится альтернативным образом жизни. Осознание существования Бога, долгое время воспринимаемое как просвещенность, теперь принимается за фанатизм и показатель социальной отсталости. Больше не существует абсолютной Истины, только зависящая от обстоятельств. Мораль превращается в условность, которая работает, а справедливость наслаждается политической поддержкой» [3].

В данных обстоятельствах Хан обращает внимание на изменение сущности и смысла бытия отдельной личности. Происходит разрыв между духовным и материальными началами, которые, по мнению исследователя, всегда составляли единое целое.

Если раньше философия и духовное откровение принимали активное участие в формировании личности, то в эпоху постмодерна остается только материальное начало. Индивидуальное «я» становится тем, что можно купить, приобрести по каталогу, в электронном магазине [3], т. е. тем, что является ситуативным и релевантным.

Подобная философия начинает определять существование не только отдельной личности, но и человеческих социумов. Эволюционируя из модерна, постмодерн, по мнению Хана, не только ниспровергает разум с пьедестала, на который воздвиг его модерн, подменив тем самым Бога. Постмодерн идет еще дальше и отказывается от любого вида авторитета и истины [2]. Поэтому возникает законный вопрос о перспективе дальнейшего существования цивилизации и прогресса вообще. Ответом становится провозглашение незаконности всех цивилизационных проектов. Связано это с тем, что с позиции постмодерна наличие одного подрывает возможность существования других. Первенство достается сильнейшему, а не обладающему наилучшими качественными характеристиками. «Без Бога, без разума, без мировоззрения как нам теперь жить? Ответ постмодерна: пусть жизнь идет сама собой. Поэтому просто живи, *“justdoit”* и жизнь приведет тебя к жизни» [3].

Такое положение в эпистемологии западного мира не оставляет мусульманского ученого равнодушным. Позиционируя себя как современного мусульманского философа, живущего в сердце западного мира, Муктедар Хан приходит к выводу, что духовная и моральная деградация западного общества напрямую связана с постепенным отказом от поиска истины. С точки зрения исламского ученого, не просто истина, а религиозная истина, откровение о Боге, является тем, что наполняет жизнь смыслом. В сочетании со свободой такой поиск приводил к созданию великих цивилизаций [3] и поэтому может рассматриваться как цивилизационный компонент.

Исламский ученый подчеркивает неправомерность расхожего мнения некоторых западных исследователей о том, что ислам и современность являются несовместимыми элементами. Чтобы преодолеть этот стереотип, исследователь предлагает западным философам вернуться к первоначальному значению ряда фундаментальных понятий современности. Так, он указывает на то, что свобода, изначально понимавшаяся Кантом как свобода делать добро, превратилась в свободу делать все, что угодно; знание становится на службу власти, а мудрость подменяется общественным мнением [2].

Важность восстановления первоначального смысла этих универсальных элементов современного общества заключается в том, что таким образом создается площадка для адекватной оценки других цивилизаций, использующих данные концепты в своем развитии. Борьба между такими понятиями, как авторитет, Бог, разум, условность, текст и ничто, по мнению Хана, является характеристикой только Запада [2]. Для мусульманской цивилизации данного противостояния не существует. Поэтому и «возрождение религии» не является чем-то новым для тех, «кто всегда был с Богом и не оставлял разума» [3].

Таким образом, Муктедар Хан приходит к выводу, что постмодерн – это всего лишь проходной этап мусульманского общества. Так же, как оно успешно пережило модерн, оно успешно живет в условиях постмодерна. С точки зрения Хана, постмодерн ничего нового не привнес в исламский социум. Даже «возрождение религии», которое он выделяет как характерную особенность постмодерна в данном сообществе, является не чем иным, как простым продолжением божественного пути для мусульманской цивилизации [3]. Основная тяжесть смены эпох, по мнению ученого, легла на плечи Запада, поскольку действительно серьезно поменяла ориентиры жизни отдельных индивидов и общества в целом.

Такие кардинальные изменения не влекут за собой ничего положительного, поскольку нарушается преемственность процесса развития. Без единой «генеральной линии» движения общество, в конечном итоге, не будет знать, куда двигаться вообще. Поэтому спасительным элементом в данных условиях для Хана является религия, определяющая смысл и цель жизни человека и общества. Однако ученый не видит в постмодерне союзника для восстановления позиций веры. Наоборот, он рассматривает его еще более опасным противником, поскольку такие характеристики постмодерна, как плюрализм и относительность, низвергают все авторитеты, следовательно, рушатся любые следования истине. Постмодерн расценивается Муктедар Ханом скорее как враг, с которым придется вести сложные переговоры. И многомерный подход, который развит в исламе, сможет помочь в этом в будущем.

Другой исламский исследователь – *Зияуддин Сардар*, как и большинство его современников, соглашается с эпохальной сменой модерна на постмодерн. Вместе с другими мыслителями он выделяет такие черты постмодерна, как отказ от Мета-нарратива, относительность истины и сомнение во всем, а также обращает особое внимание на такую характеристику постмодерна, как плюральность. Не отвергая положительного аспекта разнообразия и присутствия множественности, Сардар, тем не менее, выделяет и негативную сторону данной характеристики и исследует ее в свете культурной компоненты современного социума, т. е. как особую черту постмодернизма.

Для Сардара многообразие постмодернизма представляет собой не только смешение и единовременное присутствие различных национальных культур в одном месте, что можно наблюдать во всех крупных городах мира. Он пишет о том, что постмодернизм допускает смешение старого и нового, объединение фактов и фантазии. Вследствие этого стирается грань между реальным и воображаемым мирами, увеличивается ценность и преимущество мгновенно получаемого, при этом полностью теряется смысл и глубина [5, с. 122]. Опасность подобных тенденций на первый взгляд не так очевидна, однако осознание ее реальности приходит с пониманием того процесса, спутниками которого данные характеристики являются.

Постмодернизм, по мнению Сардара, на самом деле является продолжением процесса, который он называет «европейское имперское приключение» [5, с. 122], начавшееся с Колумба и уходящее корнями в философию Просвещения. В культурологическом плане открытие «нового мира», новых, неизвестных до этого европейцам стран и народов, ознаменовало зарождение и развитие двух тенденций. Во-первых, начинает формироваться новый культурный порядок, в котором европейская цивилизация превращается в эталон, с которым сравниваются все Другие. Во-вторых, возникает представление о линейности развития истории, что должно привести к капитализму западного образца и либеральному секуляризму, а в итоге – к трансформации всего мира в единую глобальную цивилизацию западного типа.

Согласно таким представлениям, все, что относилось к традиционной культуре незападных народов, считалось худшим, подлежащим изоляции и искоренению.

«Последние пятьдесят лет новой истории были посвящены разрушению традиционных культур. Во имя “развития” старые города и общины были рассеяны, разрознены, разрушены. Ради “прогресса” традиционные пути познания, такие как наука, медицина, технологии, были покорены, подавлены, превращены в бетонные памятники. Под знаком “современности” традиционный образ жизни и культура разрушены, разорваны, растворены в небытие» [5, с. 122].

Для Сардара предыдущий период исторического развития ознаменовал собой политику изоляции незападной культуры и недопущение ее на мировую культурную арену.

С наступлением постмодернизма кажется, что открываются двери для разнообразия и многообразия этнических культур. Сравнивая модернизм и постмодернизм, Сар-

дар, с одной стороны, указывает на различное отношение к культурному контенту. Модернизм считал верхом человеческого опыта западные ценности, историю, культуру и видение, а постмодернизм уравнивает все ценности, истории, культуры и видения, подчеркивая и превознося различия. В то время как модернизм подавлял незападные голоса, постмодернизм стремится представить все разнообразие культур Других и дать им возможность высказаться.

Однако, с другой стороны, по мнению Сардара, оба культурных явления протекают в одном русле и имеют одинаковую направленность, опасную для незападного мира. Меняются только методы, а цель остается прежней – господство Запада. «Постмодернизм представляет собой частичный сдвиг: от репрессии к соблазнению, от полицейского давления к рыночному, от армии к банкам, от глубинного прочтения эпистемологии к поверхностному прочтению герменевтики» [5, с. 123]. Помимо этого Сардар оценивает обе тенденции, модернизм и постмодернизм, как две крайности существования человеческого социума. С его точки зрения, как мир не может существовать, опираясь только на одну-единственную истину, так же он не может полноценно развиваться при условии, что все истины относительны, поэтому ни одна не имеет значения.

В контексте относительности не только истины, но и любого другого понятия самое большое беспокойство исследователя вызывает культурный релятивизм, поскольку влечет за собой серьезные последствия как на уровне личности – потеря идентичности, так и на коллективном уровне – маргинализация и ассимиляция. Сардар выделяет особый инструмент, который использовался Западом для укоренения культурного релятивизма в отношении цивилизаций Других, в частности мусульманской цивилизации. Это так называемое «искаженное воображение» (*distorted imagination*). «Искаженное воображение является частью западной цивилизации, частью исторической реальности и современности. Это то, что помогает сделать мусульманский мир, мир Другого, знакомым для Запада» [4, с. 232].

В основе «искаженного воображения» лежит этноцентризм западной цивилизации, который преломляет события и факты через призму универсальности западной истории и опыта. Это приводит к тому, что Всемирная история превращается в единую историю, а право на объективную оценку исторических фактов и сущности Других получает только Запад. В эпоху постмодерна западный этноцентризм не исчезает, а приобретает еще более искаженную форму: история незападных стран и цивилизаций получает право на существование только в качестве рудиментарного нарратива по отношению к великой истории западной цивилизации. Плюральность формально соблюдается, но выражаться она должна в западных терминах [4, с. 233–236].

Озабоченность Сардара именно исторической парадигмой объясняется тем, что в мусульманском сообществе история является ключевым элементом в построении и утверждении идентичности. Рождение ислама в песках Аравии, создание сообщества верующих под предводительством пророка Мухаммада в Медине, установление определенных практик и правил в период жизни Пророка и его преемников, четырех праведных халифов и, наконец, священная книга мусульман Коран – все это неотъемлемые части истории мусульманской цивилизации, которые заложили основы исламской идентичности. Это не просто исторические факты прошлого. Их потеря или искажение означают потерю собственного лица и будущего, с чем современный исламский мир не желает более мириться. События, подобные карикатурным скандалам 2005–2006 годов, или протесты, связанные с публикацией таких книг, как «Сатанинские стихи» Салмана Рушди, указывают на то, что «мусульмане четко установили границы насмешек и унижения, которые они не намерены переходить» [4, с. 240].

С точки зрения Сардара, протестные выступления в исламском мире не должны интерпретироваться как подтверждение концепций «искаженного воображения» о му-

сульманском сообществе, якобы являющемся рассадником нетерпимости, насилия, жестокости и фундаменталистского традиционализма. Они – доказательство того, что мусульмане продолжают с почтением относиться к своей традиции и священной истории в том виде, в котором *они* знают их, а не в том, в котором их пытается представить западный мир. Позиция Сардара заключается в том, что Западу, вставшему на позиции плюрализма, придется мириться с мыслью, что такие общечеловеческие понятия, как справедливость, свобода, равенство, братство, демократия и терпимость, могут и должны определяться не только в терминах западной истории. «Западный путь, секулярный путь, не является единственным. Те, кто так думает, продолжают жить в девятнадцатом веке» [4, с. 241].

Решение, предлагаемое Зияуддином Сардаром в данной ситуации, представляет собой «истинный мультикультурализм», или «мультицивилизационный мир» [4, с. 241; 5, с. 124]. Под этим термином философ подразумевает эпоху независимых, уникальных цивилизаций, существующих во взаимосвязи: западной, исламской, индийской, китайской и ряда других, меньших размеров. Им необходимо будет вновь открыть и преобразовать себя согласно собственным критериям, которые должны также быть выведены из небытия. Процесс познания, созидания и существования будет уникален для каждой цивилизации, и тем самым они будут обогащать друг друга. «Мир различных цивилизаций *ipsofacto* признает как взаимозависимую, так и реляционную природу идентичностей, их элементы несоизмеримости и политическое право на автономность. В таком мире легко можно признать и оценить по достоинству истины и ценности цивилизации Других, не попирая при этом свою собственную» [4, с. 241].

Предпосылкой создания такого мира, по мнению Сардара, является свобода от насмешек и оскорблений, т. е. определенная этическая парадигма уважительного отношения. Согласно учению ислама, обоснованный аргумент, а не оскорбление, являются базой выживания и прогресса. Второй важный момент заключается в представлении и раскрытии цивилизационной идентичности в тех терминах, которые присущи данной цивилизации на уровне ее подлинной аутентичности.

Можно говорить о том, что для Зияуддина Сардара постмодернистская эра несет с собой как благоприятные возможности для мусульманского социума, так и определенные угрозы. Утверждение плюрализма как одного из основных факторов современного общества открывает двери для исламских богословов и мыслителей, давая им возможность самостоятельно представлять мусульманскую культуру и традицию. Постепенно начинает развеиваться миф о том, что только западные исследователи могут объективно говорить и писать о Других. Возникновение культурной площадки для открытых дебатов по вопросам, волнующим исламский мир, и высказывания разноплановых позиций является двигателем прогрессивного развития самой мусульманской цивилизации.

Плюральность реальности узаконивает призыв Сардара к отстранению от устаревших традиций и работу над формулированием новых концепций того, что значит быть мусульманином в современную эпоху. Тем не менее, мыслитель вычленяет неизменные компоненты – Коран и Сунну – и предлагает использовать именно их, а не западные формулировки, для дачи определения цивилизационным компонентам.

Вместе с тем, будучи инсайдером, Зияуддин Сардар видит те подводные камни, на которые наталкивается процесс самораскрытия. Релятивизм современной эпохи ставит под удар сами основы исламского общества, ислам как вероучительный комплекс. При относительности любой истины парадигма веры начинает терять свою уникальную привлекательность. Опасность постмодерна заключается в идее, что только секулярное общество может дать благоприятную почву для развития критической мысли, научных знаний, политической свободы и творческого потенциала. Однако, с точки зрения Сардара, история мусульманской цивилизации доказывает обратное. Оппозиционные политиче-

ские движения исмаилитов и хариджитов, работы аль-Газали – первого исламского скептика, поэтические произведения Абу Наваса, в которых тот открыто декларировал свое неверие, доказывают не только многоликость ислама, но и тот факт, что прогресс и многообразие возможны в рамках религиозной культуры [4, с. 242–243].

По мнению Сардара, плюрализм и релятивизм несут особую угрозу историческому компоненту мусульманской цивилизации. Отказываясь от «вестернизированной истории» исламского общества, многие единоверцы, по мнению Сардара, впадают в другую крайность – идеализацию величия прошлого, отказываясь исправлять нынешнее неприглядное положение. С точки зрения мыслителя, мусульмане должны изучать свою историю, но не увязать в ней, так как это приводит к утрате способности прогнозировать и планировать собственное будущее. Критический подход к наследию прошлого, преломленный через призму настоящего, поможет возрождению мусульманской цивилизации и предоставит ей достойное место в ряду других партнеров в мультицивилизационном мире будущего.

Таким образом, исламские мыслители рассматривают постмодерн через призму религиозного мировосприятия, фокусируя особое внимание на присущем данному явлению ценностном и мировоззренческом релятивизме, в котором скрывается серьезная опасность для любой вероучительной системы.

Также необходимо отметить, что, будучи практикующими верующими и инсайдерами исламской цивилизации, с одной стороны, и получив европейское образование и став частью западного общества, с другой, такие исламские ученые уделяют особое внимание прагматике высших ценностей.

Литература

1. Коран / пер. смыслов И.В. Пороховой [Эл. ресурс]. Режим доступа: http://eq.narod.ru/eq/q_por/.
2. Khan M. Islam, Postmodernity and Freedom. Answers to questions posed by Discourse Magazine, October 2002 (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.atlanticfreepress.com/news/1/10790-islam-post-modernity-and-freedom-by-muqtedar-khan.html> (дата обращения 09.04.2010).
3. Khan M. Postmodernity and the Crisis of «Truth» [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ijtihad.org/postmod.htm> (дата обращения 26.09.2012).
4. Sardar Z. The End of Civilisation? // Sardar, Ziauddin, SohailInayatullah, and Gail Boxwell. Islam, Postmodernism and Other Futures: A ZiauddinSardar Reader. – London: Pluto Press, 2003. – P. 230–246.
5. Sardar Z. When the Pendulum Comes to Rest // Sardar, Ziauddin, SohailInayatullah, and Gail Boxwell. Islam, Postmodernism and Other Futures: A Ziauddin Sardar Reader. – London: PlutoPress, 2003. – P. 121–126.

Поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.